



**Евгения Борисовна Пастернак**  
**Андрей Валентинович Жвалевский**  
**Гимназия №13**  
**Серия «Время – юность!»**

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=653135](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=653135)*

*Гимназия №13: Время; Москва; 2018*  
*ISBN 978-5-9691-1220-9*

**Аннотация**

Не надо было трогать дуб! Тогда бы ничего страшного и не случилось. А когда тронули, тут и началось. Из всех щелей полезла нечисть. Домовые и кабинетные – за наших гимназистов, нечисть – против. Перун мечет молнии на крыше, Кощей пытается проломить заколдованный круг, говорящий кот подкармливает русалку ворованной колбасой, второй закон Ньютона временно не работает, «Слово о полку Игореве» встает перед глазами, словно в формате 3D, а на самом деле наяву – помог волшебный растворитель... Хотите дальше? Сами читайте.

# Содержание

Часть I. Ключ из четырех частей	6
Глава 1. Забились!	7
Глава 2. Как свалить дуб	27
Глава 3. В сказку попали	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

# **Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак Гимназия № 13**

© Андрей Жвалевский, Евгения Пастернак, 2018

© Вера Коротаева, иллюстрации, 2018

© Валерий Калныныш, оформление, 2018

© Юрий Васильков, дизайн, 2018

© «Время», 2018

\* \* \*



# Часть I. Ключ из четырех частей



# Глава 1. Забились!



Природа издевалась над Антохой Волковым. Солнце майское. Настроение майское. А на календаре только-только заканчивается март. Конечно, конец третьей четверти – дело хорошее, но это все-таки не конец четвертой. Антоха покопился на окно. Математичка Полина Андреевна, как всегда по весне, плотно задернула шторы – смертельно боялась веснушек. Полина Андреевна резонно считала, что завучу по воспитательной работе негоже выглядеть как старшеклассница. Но раньше она хотя бы форточку открывала в такую жару, а теперь...

– Волков! – Математичка немедленно учуяла, что Антоха – позор класса и ее головная боль – снова отвлекся. – На улице ничего интересного! Меня слушай!

Тут она врала. Форточки как раз и были закрыты потому, что на улице творилось нечто очень интересное. Там валили

дуб. Судя по раздраженным голосам рабочих – безуспешно. Очень безуспешно, потому что рабочие спорили страстно и не выбирая выражения. Сперва Полина Андреевна еще пыталась стыдить их через окно, они переходили на невнятное бормотание, прерываемое кашлем бензопилы, – и постепенно снова возвращались на повышенные тона. Тогда математичка закрыла все форточки. Голоса рабочих потеряли в разборчивости, но Антоха даже по обрывкам прекрасно понимал, о чем те спорят.

Дуб валиться не хотел. Он плевать хотел на всех этих людишек с пилами – и плевал, как и все те столетия, которые тут простоял. Он был тут всегда, пережил две большие войны, уцелел при строительстве школы и, судя по всему, ее тоже собирался пережить.

Дуб был местной достопримечательностью. Почему школу построили вокруг него, оставалось загадкой. Волков-старший, сам архитектор по образованию, рассказывал, что школу должны были построить немного в другом месте, но там возникли проблемы, а сроки поджимали... В общем, перенесли школу туда, где она и сейчас стоит. Отдельно стоящее дерево тогда не учли, думали, что спилят его – и вся недолга. Не спилили. И теперь не спилят.

– Волков! Что такого смешного в теореме Пифагора?

Антоха понял, что злорадно усмехается, представляя себе, как рабочие поругаются-поругаются да и уйдут.

– Волков! К доске!



Антоха поплелся к доске, еле переставляя ноги. По его внутренним часам урок должен был уже давным-давно закончиться. Полина Андреевна ждала его, угрожающе скрестив руки на груди.

– Я как раз говорила о доказательстве теоремы Пифагора. Ты улыбался. Значит, тебе это доказательство знакомо. Логично?

Это было ни на грамм не логично, но спорить Антоха не стал. Он остановился у доски с видом пленного пирата, которого заставляют выдать местоположение клада. Антоха вообще напоминал корсара: невысокий, худой, жилистый, такому только по реям и ползать. А еще вихрастый, несмотря на то что русые волосы подстрижены совсем коротко. Эти вихры Полину раздражали больше всего.

– Прошу, – продолжила Полина Андреевна, – изобрази доказательство на доске.

Антоха взял в руки мел и уставился на доску. Никакой подсказки там не обнаружил. Тогда он стал искоса рассматривать математичку.

– Ты думаешь, – ехидно спросила она, – доказательство написано на мне? Ты заблуждаешься.

Он перевел взгляд на штору. В этом месте ветка дуба подходила совсем близко к стеклу. Тень скользила по шторе, как будто кто-то подбадривающе помахивал Антохе рукой.

– И на шторе доказательства тоже нет, Волков. Не надо тратить мое и общее время. Класс! – Математичка разверну-

лась к остальным. — Ваш товарищ в беде. Вы можете спасти его, если докажете теорему Пифагора...

Над первой партой тут же взметнулась рука. Антоха криво усмехнулся: вряд ли остроносая Машка-зубрилка решила его выручить. Просто хотела показать, насколько она умнее. Но поторопилась, потому что Полина Андреевна закончила неожиданно:

— ...неизвестным мне способом.

Тонкая рука Машки исчезла, как будто и не появлялась. Сама Машка, мелкая и шустрая, полностью уместилась за раскрытым учебником. Да и весь седьмой «Г» сидел, вжав головы в плечи. Все постарались стать невидимками. Хуже всего это выходило у Мишки Беркина и Любы Метелкиной. Мишка от природы был здоровенный бугай, а Люба за пять лет занятий плаваньем нарастила такие плечи, что за ней любой старшеклассник мог спрятаться.

Антоха умоляюще посмотрел на Севку Рогова. Если кто и мог удивить математичку, то только он. Но Рогов как назло что-то увлеченно писал. Наверняка не по теме, но к нему Полина вряд ли придирается будет. Антохе казалось, что иногда она Севку побаивалась, а один раз даже смутилась, когда тот нашел у нее ошибку. Рогов ей очень тихо сказал на переменке, только Антоха и слышал, но математичка залилась краской и еще больше стала похожа на одиннадцатиклассницу.

Антоха обвел класс полным отчаяния взглядом. Пара пе-

ред самыми каникулами ему была нужна, как шпоры зайцу. Он уже почти убедил отца в необходимости приобрести новый мобильник для сына, а тут такой облом. Все старательно отводили глаза. Только новенькая девчонка со смешным именем Лёля смотрела на него ободряюще и даже подмигнула.

«Дать бы тебе в глаз, – мрачно подумал Антоха. – Нашла время подмигивать!»

Но почему-то продолжал смотреть на нее, хотя смотреть было особо не на что: девчонка как девчонка. Роста среднего, не толстая и не худая. Белобрысая, ресницы и брови почти не видны, только глаза какие-то странные, сразу и не поймешь, куда они смотрят. Прикрывшись от учительницы книгой, Лёля занималась обычной девчоночьей ерундой – быстро-быстро вязала хитрый узелок из какой-то ниточки. При этом губы ее шевелились, словно она рассказывала стихотворение на скорость, а серые глаза стремительно наливались свинцом. Зрелище оказалось таким завораживающим, что Антоха, несмотря на всю серьезность ситуации, не мог оторвать от него взгляд.

– Ну, раз так... – зловеще начала математичка.

У Волкова все внутри сжалось от обиды и несправедливости.

Пальцы и губы Лёли зашевелились с еще большей скоростью.

– ...будет логичным, Волков...

«Не имеете права!» – хотел возмутиться Антоха, но не успел. Лёля резко дернула за кончики нитки, та распрямилась без единого следа узелка... и Полина Андреевна вдруг сбилась с мысли. Учительница замолчала, явно пытаюсь вспомнить, о чем она сейчас говорила, потерла лоб и с некоторым изумлением уставилась на Антоху.

А весь класс уставился на нее. Полина славилась своей логичностью и непошибаемостью.

К счастью для всех, тут грянул звонок. А то неизвестно еще, чем бы все это закончилось.

– Все свободны, – пробормотала математичка и стремительно выскочила из класса.

На большой перемене Антоха сначала отругал Севку:

– Ты гений или кто?

– А? – уточнил Севка, испуганно озираясь. – А где геометрия?

– Кончилась уже!

Рогов принялся торопливо забрасывать в рюкзак книжки:

– Ух ты... А я, понимаешь, тут одну формулку ковырял...

Антоха только вздохнул. Севка вообще-то хороший: верный и покладистый. Только очень недотепистый. Длинный, нескладный, ни грамма мускулов, голова как у инопланетянина, да еще очки эти несуразные. Трудно, что ли, родителей на линзы раскрутить? Они на своего вундеркинда надыхаться не могут. И еще худой, как изголодавшаяся щепка. Даже на фоне суховатого Антохи Севка казался колоском на

ветру.

– Пока ты со своей физикой развлекался, твоему лучшему другу чуть пару в последний день четверти не вклепили!

– Не физикой, а химией. Там, понимаешь... – Севка спохватился, даже рюкзак из рук выпустил. – Как пару? За что?

– Полина требовала доказательство теоремы Пифагора. Такое, чтобы она не знала.

Севка жалобно посмотрел Антохе в глаза.

– Обошлось, – успокоил его Волков. – Эта... новенькая спасла.

Рогов радостно вернулся к рюкзаку.

– Круто... А как?

– А вот это мы сейчас узнаем. За мной!

\* \* \*

Лёлю они нашли там же, где толпилось полшколы, – у ограждения возле дуба. Она смотрела куда-то на его верхушку и очень серьезно слушала одноклассника, который с важным видом вещал:

– Понимаешь, они сначала хотели ветки спилить, а потом взяться за ствол, но пила не работает. Они уже третью пилу поменяли...

Тут рассказчик заметил, что на него решительно надвигается Антоха, и правильно оценил ситуацию. Быстренько исчез. Лёля, немного удивленная таким внезапным окончани-

ем разговора, оглянулась через плечо, увидела Антоху с Севкой и весело улыбнулась.

– Не повалят они его, – сказала она с таким видом, как будто сообщала о выздоровлении близкого родственника. – Зря только время потратят!



Ее серые глаза на улице вдруг оказались ярко-зелеными.

– Ага, – сказал Антоха. – Лохи они. Думают, в сказку попали...

Он и сам не хотел, чтобы дуб спилили, но почему-то был недоволен радостью Лёли. Как будто она лучше него все тут знала. Лёля сразу же нахмурилась и вернулась к разглядыванию дуба, но у Волкова осталось неприятное ощущение, что белобрысый затылок не выпускает его из виду.

– Спасибо, – добавил Антоха. – Выручила.

– Выручила, – кивнула Лёля, не отрывая взгляда от дуба.

Антохе становилось все неуютнее. Севка, вместо того чтобы помочь, позадавать вопросы, стоял, вытаращив глаза. «Опять что-то придумал, – поморщился Антоха. – Что за привычка такая, думать без перерыва. А поговорить?» Но начатый разговор нужно было довести до конца.

– Я тебя тоже когда-нибудь выручу, – вдруг ляпнул он.

Лёля не стала хихикать, только очень серьезно уточнила:

– Слово даешь?

– зуб даю, – буркнул Антоха.

– зуб не нужен. Мне твое слово нужно. Даешь?

– Даю, – согласился Антоха.

«Хоть бы повернулась!» – подумал он. Антоха уже с минуту смотрел туда же, куда и она, но ничего занимательного не видел. Дуб как дуб. Узловатый, местами потрескавшийся. На ветках кое-где – коричневые, словно бы жестяные, прошлогодние листья. Не дерево, а монумент.



– Отлично. – Лёля не глядя выудила из кармана уже знакомую нитку и ловко завязала на ней простенький узелок.

После чего нитка исчезла в ее кармане. На Антоху она так и не глянула. Это было уже верхом невежливости. Волкову даже захотелось вспомнить молодость и дернуть Лёлю за косичку. Косы – толстые и блестящие – сами просились в руку.

– Слушай, – резко спросил Антоха, – а как ты это провернула? Ну... сейчас, на математике?

Может быть, Лёля и ответила бы, но тут проснулся Севка.

– Слово! – радостно сообщил он. – Конечно, слово!

Тут уж и Лёля обернулась, и Антоха, да и вообще все, кто оказался поблизости. У Рогова был вид человека, только что покорившего самую высокую гору мира.

– Я про теорему Пифагора! – объяснил он чуть потише. – Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, так?

Лёля и Антоха синхронно кивнули.

– В слове «катет» пять букв, – продолжил Севка. – В слове «гипотенуза» – десять. Каждая буква вписана в квадратик, так? Значит, два «катета» – это десять квадратиков. И одна «гипотенуза» – десять. Сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы!

Рогов победно захихикал. Окружающие посмотрели на него с сочувствием. Севку в школе любили. Хотя и был отличником, и получал дипломы на олимпиадах, это не раздражало. Наверное, из-за Севкиной детской наивности и непосредственности. Он учился не потому, что заставляли роди-

тели, и не чтобы покрасоваться – как, например, Машка, – Рогову было просто интересно. Он играл в формулы, как другие играли в солдатики. Это было странно, но естественно. Правда, все остальные уже отложили солдатиков, а Севка все никак не мог наиграться, все колдовал над своими заколючками. Из-за этого и шутки у него были... странные.

Обычно после шутки Рогова повисала неловкая тишина (не издеваться же над бедолагой!), но на сей раз традиция была нарушена. Лёля расхохоталась так искренне, что и все остальные не удержались. Кто похихикал в кулак, а кто и подержал Лёлю. Даже Антоха против своей воли ухмыльнулся. Он, конечно, тут же снова стал серьезным, строго посмотрел на Лёлю...

Глаза у нее горели ясным изумрудным светом.

\* \* \*

Последним уроком была история. Тема так себе, про древних славянских богов, да и Матвей Ильич, как обычно, не слишком интересовался учениками – бубнил что-то себе в усы. К тому же сегодня на него нашел стих вести урок на белорусском (такое с ним случалось через два раза на третий), так что почти никто и не пытался слушать.

Антоха придирчиво осмотрел класс, словно вожак стаю. Все дурачились по мере сил, но без фанатизма: по коридорам мог бродить директор. Зайдет – мало не покажется. Толь-

ко маленькая чернявая зубрилка Маша, страдальчески скривившись и прикрывая левое ухо от шума, что-то строчила в тетрадке.

И Лёля...

Она ничего не писала, сидела за своей второй партой, сложив руки перед собой одну на другую, как учат в первом классе, и очень внимательно слушала. Иногда кивала, иногда чуть-чуть покачивала головой, отчего ее косы подрагивали, как две очень внимательные, но совсем не опасные змеи.

Антоха перегнулся к сидящему впереди Севке, который энергично царапал что-то на бумажке, и небольно щелкнул его по затылку. Тот обернулся и заморгал, пытаясь понять, где он и чего от него хотят.

– Как тебе новенькая? – шепотом спросил Антоха.

Шептал он не из-за страха перед историком, а чтобы соседи не подслушали. Начнутся потом подколки, намеки... Он, конечно, быстро по голове настучит болтунам – только ведь их не всегда за руку поймает.

– Да нормальная вроде, – ответил Севка и собирался вернуться к своему царапанию, но Антоха его удержал.

– Ничего странного в ней не замечаешь?

Рогов понял, что так просто от него не отстанут, честно уставился на затылок Лёли. Та, словно почувствовав взгляд, обернулась, подмигнула и приложила палец к губам. После чего снова вернулась к истории.

– Нормальная девчонка, – убежденно сказал Севка. – Не

зануда. Волк, мне чуть-чуть осталось, можно я допишу?

Антоха отпустил Рогова. Все равно толку от него... Волков задумался. Всех окружающих он привык раскладывать по категориям: «друзья», «враги» или «никто». Севка или Мишка были друзья. Изредка попадались враги. Остальных можно смело считать «ником». Но вот новенькая... Она явно не относилась к категории «никто». Но и другом или врагом Антоха тоже не решался ее признать. Это его и нервировало. Он просто обязан был понять, какой краской покрасить Лёлю: белой или черной...

Матвей Ильич стоял напротив Лёли и говорил только с ней. Она сидела неподвижно и впитывала каждое слово, как сухая земля воду. Антоха нахмурился. Ну да, нормальная девчонка. Помогла ему просто так... Непонятно, как у нее это вышло... Гипноз, наверное, какой-то. Потом Севку тоже, в общем, выручила, над его мудреной шуткой посмеялась.

И все равно. Что-то в ней не так. Слишком свободно новенькая себя с Антохой ведет. Остальные девчонки его побаиваются. Некоторые хорохорятся, даже вякают чуть что, как Машка, но бояться, это факт. Он это нутром чувствует.

Особенно после той драки с десятиклассником.

Один парнишка из параллельного пытался дразнить Севку. Что-то совсем неоригинальное, типа «Очкарик, в попе шарик!» Волков обидчика даже не бил, взял за ворот, слегка встряхнул и в глаза посмотрел. Он умел так посмотреть, чтобы у человека поджилки трястись начали. А потом оказа-

лось, что у парнишки и старший брат такой же балбес. После школы подловил Антоху. «Сейчас, – говорит, – я тебя вежливости учить буду».

Антоха, может, и не стал бы лезть в бутылку. Жизнь научила его отступать перед тупой силой, но сохранять достоинство. Однако на сей раз ситуация была особая: десятиклассник отловил его на глазах у всего класса. Если бы Антоха сейчас поджал хвост, то все, конец репутации. Поэтому он стиснул кулаки так, что ногти впились в ладони, и попер на бугая. Молча, без обычных «видали мы таких!», «да у меня брат десантура!» Просто шел и зверел. В драке это главное. Не техника удара, даже не сила – а вот такое озверение.

Нужно было успеть завести себя очень быстро, чтобы ударить первым. Потом такого шанса могло и не представиться. Но ударить Антоха не успел. Десятиклассник отчего-то быстро стушевался и отступил со словами: «Псих, что ли?» Волков сначала даже не понял, в чем дело, только разозлился, что нужно делать лишний шаг. Еще один. И еще. А потом стоял и удивленно смотрел на быстро удаляющуюся спину. Чтобы выплеснуть накопленную злость, пришлось с рычанием пробежать круг почета под восхищенное улюлюканье одноклассников. Пробежка не помогла, Антоха бросился на дуб и минут пять царапал и бил его – только тогда отпустило...

...Перед глазами что-то щелкнуло. Антоха вздрогнул и очнулся. Со второй парты ему весело улыбалась Лёля, над

которой растерянно нависал историк.

– Гэта вы навошта? – спросил он.

– Выбачайце! – как ни в чем не бывало ответила Лёля. – Гэта так... Так вы пра калаварот нешта тлумачылі!<sup>1</sup>

– Калаварот... – Матвей Ильич часто заморгал. – Гэта, вы бачыце, такая рэч...<sup>2</sup>

После уроков все снова бросились смотреть на битву с дубом. Собственно, смотреть было уже не на что: рабочие бесследно исчезли, сняв ограждение, только школьный сторож Василий Васильевич задумчиво разглядывал ветку, на которой виднелись неуверенные следы пилы.

Вид у него был такой важный, что никто из учеников не осмелился узнать подробности: придут рабочие еще или нет. Но он сам вдруг сказал, обращаясь непонятно к кому:

– Не свалят они дуб. Заколдованный он.

Вечером на крыльце гимназии на традиционной сходке было многолюдно. В основном тут тусовались старшеклассники, а мелочь вроде семиклашек приходила из принципа, просто потому что их оттуда со всех сторон прогоняли. Их гнали старшие:

– Эй, мелюзга, вам уже спать пора...

Их гнали учителя:

– Чтоб вас больше на этих шабашах не видели!

---

<sup>1</sup> Это вы зачем? – Простите! Это так... Так вы про коловорот что-то объясняли! (белорус.)

<sup>2</sup> Коловорот... Это, видите ли, такая вещь... (белорус.)

Их не пускали родители:

– Я тебе во сколько дома быть сказала, а?!

Но именно поэтому наглым семиклассникам сходка была как медом намазана. И даже если вечером они собирались где-то в другом месте, то постепенно дрейфовали в сторону школы, как будто кто-то ворожил по вечерам на школьном крыльце.

Каких только сплетен тут не рассказывали!

Каких только планов не строили!

Какие гениальные прожекты разрабатывались в мельчайших подробностях!

Какие страшные способы отомстить и наказать!

Или, наоборот, спасти и наградить...

Короче, придешь на сходку – и через пять минут ты уже полностью в курсе последних школьных событий.

– Слышали, Ирочку застукали вчера в кино с десятиклассником. Говорят, она чуть под стул не залезла от ужаса...

Красавица Ирочка, педагог-организатор, была известна тем, что по ней сохли почти все старшеклассники школы. Собственно, она была буквально на пару лет старше них и мучительно краснела каждый раз, когда ее пытались пригласить на свидание. Но где она – типа учитель, а где они – еще школьники...

Сплетню пересказывали и перемалывали, она обростала все новыми подробностями, девочки шипели ядом в сторону Ирочки, мальчики злобно завидовали ее кавалеру.

Перемыв все косточки бедной Ире, переключились на математичку Полину Андреевну, которая «вконец озверела» и «сегодня совсем с цепи сорвалась». Устроила в девятых классах такой блиц-опрос, что даже отличники выходили из кабинета с испариной на лбу и дрожью в коленках. Бедные троечники погибали смертью храбрых еще до окончания урока.

Потом разговор почему-то переместился на дуб. Обсудили, что с ним пытались сделать горе-лесорубы и что они при этом говорили. Пришли к выводу, что дуб вроде как и не мешает, только из-за него во внутреннем дворе гимназии всегда тень и ни во что не поиграешь. Редкий воланчик долетал до середины дуба и возвращался назад, редкому мячу удавалось не застрять в ветвях.

А каждую осень дуб представлял собой развеселое зрелище. Листва опадала, покрыв ровным толстым ковром весь двор, зато становилось видно, что на ветках висят самолетики, ленточки, чьи-то штаны, чьи-то кеды, тетрадки... Очистка дуба была важной частью традиционного осеннего субботника – и шикарным развлечением.

В общем, гимназисты дуб любили, и непонятно почему все принялись обсуждать, как можно свалить несчастное дерево. Вариантов было предложено множество, все они поражали изобретательностью и кровожадностью.

Именно тут Антоха в разговор и влез, не удержался. До этого еще получалось не обращать на себя внимание, но ко-



гда речь пошла об организации направленного взрыва... Тогда-то он и понял, что без него такое мероприятие состояться просто не может!

— Ты-то куда лезешь, малой? — попытался отодвинуть Антоху какой-то десятиклассник. — Не видишь, тут взрослые дяди разговаривают.

Антоха набычился:

— Во-во... Разговаривают. А сделать ничего не могут.

Десятиклассник собирался было отвесить наглomu пацану леща, но почему-то не стал. Только спросил ехидно:

— А ты, значит, можешь?

Перед глазами Волкова промелькнули формулы в тетрадке Севки.

— Могу!

Теперь на него смотрели с интересом. Десятиклассник, с которым Антоха зацепился первым, недоверчиво оттопырил губу:

— Ага... Мог один такой. Болтун.

Антоха почувствовал, как набухла жилка на виске и начало гореть лицо.

— Забились? — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

У него всегда дрожал голос, когда он заводился. Кое-кто считал, что это от трусости — за что и получал по полной программе. Десятиклассник, кажется, тоже решил, что у Антохи поджилки затряслись. Поэтому он согласился быстро и весело.

– Забились! – Он протянул Волкову руку. – Если завтра...

– ...послезавтра! – возразил Волков, пожимая руку.

Его соперник усмехнулся:

– Ладно. Если послезавтра дуб будет стоять на месте – получишь пенделя. При всех, прямо тут!

Антоха только крепче сжал руку и добавил:

– А если не будет – тебе пенделя!

– Не вопрос! Разбейте, мужики!

«Мужики» с готовностью разбили.

Волков стремительно пошел, почти побежал, от крыльца.

– И учти: я тебя запомнил! – крикнул ему вслед десятиклассник.

Антоха не ответил. Ему нужно было срочно поставить задачу Севке. В темноте он проскочил мимо кого-то, но не стал останавливаться.



## Глава 2. Как свалить дуб



Севка долго не мог врубиться, что от него хочет друг на ночь глядя.

– Формулы? – удивлялся он. – Какие формулы? Я сейчас тут одну программку пишу, при чем тут формулы? И вообще, каникулы уже!

Тут Севка забеспокоился и уставился на настенный календарь – точно ли каникулы, или он опять что-то перепутал.

– Да каникулы, каникулы, – успокоил его Антоха, – но мне нужно дуб взорвать.

Севка от такого заявления вообще ошалел. Пришлось рассказывать ему все по порядку: про сходку, про спор, про то, что старшеклассников пора проучить...

– А-а-а! – понял Севка. – Так тебе взрывчатка нужна?! Надо подумать.

– Погоди, – похолодел Антоха, – а те формулы, которые

ты весь день писал... это разве не взрывчатка?

– Нет, – удивился Севка, – почему взрывчатка? Это способ быстрого восстановления металлов из растворов.

Несколько секунд Севка и Антоха пристально смотрели друг на друга. Севка не мог понять, с чего Волков решил, что он занимается изобретением взрывчатки, а Антоха не мог понять, что еще, кроме взрывчатки, можно изобретать.

– Так, – сказал наконец Антоха. – А взрывчатку можешь придумать?

– А чего ее придумывать? Все давно придумано. Пошли.

И началась морока. Сначала они час копались в интернете, потом выбирали самый верный способ... А потом пришел Севкин папа и отправил Антоху домой. Еще отчитал за то, что тот мобильник не берет и Волкову-старшему придется теревить Рогова-старшего.

Антоха выбежал из подъезда и чуть не наскочил на хмурую Лёлю.

Разговаривать с ней не хотелось, он собирался обойти ее, но Лёля схватила его за рукав и сказала:

– Не трогай дуб!

– А то что?! – огрызнулся Антоха. – Застучишь?

Надо было бы вырваться, но он опасался за свою куртку – Лёля держала ее очень крепко. Скорее рукав оторвется, чем эта зануда.

– Не трогай дуб, – уже потребовала, а не попросила девочка. – А то плохо будет. Всем.

Антоха все-таки вырвал рукав.

– Да что плохо-то? Еще спасибо нам скажут, если мы его повалим! Вон рабочие целый день ковырялись...

Лёля покачала головой. Тут он понял, что оправдывается перед этой ненормальной, и расвирепел.

– Да что будет-то?! Что?!

– Я не знаю, – сказала она тихо. – Но будет плохо.

Антоха фыркнул и зашагал к своему дому. Хуже всего, что он и сам в глубине души чуял, что не надо трогать дуб, что права Лёля. «И что теперь? – сердито подумал он. – Получать пенделя на сходке? Ну уж нет!»

\* \* \*

Весь следующий день он провел бегом. Севка то и дело посылал Антоху то в магазин за ацетоном, то в аптеку за какими-то таблетками, то опять в хозмаг за всякой ерундой... Антоха злился про себя – неужели трудно было сразу сообщить, что понадобится?! Но возмущение держал при себе. Рогов в состоянии творческого подъема вообще мало что соображал. А если его, не дай бог, вывести из этого состояния – пиши пропало. Зависнет на полдня. В такие мгновения он напоминал какого-то жирафа-мутанта: глаза пустые, бессмысленные, только большая голова на длиннющей шее слегка покачивается.

Хорошо еще, что роговские родители с младшим братом

Севки укатили по случаю хорошей погоды на дачу к Волковым – а то пришлось бы врать про домашнюю работу по химии. И удачно, что часть реактивов обнаружилась у Севки в кладовке, где он оборудовал настоящую лабораторию, иначе Антохе пришлось бы в два раза активнее бегать по магазинам.

А еще Антоху безумно раздражала Лёля. Она больше не пыталась с ним заговорить, просто сидела на скамейке у подъезда и смотрела в землю унылыми, как лужи, глазищами.

Наконец все необходимое было отобрано и проверено (Севка долго смешивал какие-то жидкости и придирчиво изучал получившийся при этом белый осадок).

– Потянет! – важно сказал Севка.

Антоха воодушевился, но оказалось, что это только начало. Дальше пошла работа нудная и кропотливая: Севка перелил содержимое большой вонючей бутылки в эмалированную кастрюлю и принялся аккуратненько растворять в ней таблетки, принесенные из аптеки.

– Да высыпь ты их все сразу! – не выдержал Антоха.

– Нельзя, – замогильно ответил Севка. – Реакция экзотермическая... Если перегреется – рвануть может.

После растворения таблеток Севка отволок кастрюлю в ванную, накидал в нее льда из холодильника и принялся понемногу доливать ацетон. Антоха взвыл от бессилия. К счастью, тут позвонил Мишка и поинтересовался, почему их

нет в сетке – ему не с кем в «Контру» погонять. Антоха обрадовался Мишке как родному и потребовал, чтобы тот немедленно пришел к Севке. Честно говоря, он не только искал собеседника на время, пока Севка химичит. Судя по приготовлениям, взрывчатка должна была получиться тяжелой, не самому же ее тащить? Переноска тяжестей – работа как раз для Беркина. А человек он надежный, хотя и медлительный.

Мишка, узнав о грандиозных планах по взрыву дуба, искренне восхитился и полез смотреть за манипуляциями Севки. Они с Антохой застали Севку за странным занятием – он держал под струей воды тряпицу, в которую было что-то завернуто, время от времени подносил ее ко рту, лизал, задумывался и возвращал тряпицу под струю.

– Ты чего? – удивился Мишка.

Севка вместо ответа тут же сунул ему тряпицу:

– Лизни!

Мишка покосился на Антоху, получил от него подбадривающий кивок и только после этого лизнул.

– Ну как? – спросил Севка. – Некисло?

– Не-а.

Севка радостно закрыл кран.

– Все! – заявил он. – Теперь сушить будем.

И развернул тряпицу. В ней оказался мокрый белый порошок.

«Не так уж ее и много получилось, – подумал Антоха, – зря Мишку звал».

– Бикфордов шнур нужен, – сказал Севка. – Надо еще кое-куда сбегать...

«Нет, не зря Мишку звал», – подумал Антоха и вытолкнул Беркина вперед.

– Сходи в киоск, – продолжил Севка, изогнувшись на манер вопросительного знака и глядя Мишке куда-то в живот, – и купи газет.

– Сегодняшних? – уточнил Мишка.

– Любых, – отмахнулся Севка, – бумага нужна.

Как только увалень Мишка притащил «любых газет», Севка достал из заглашника селитру, пропитал ею бумагу и скрутил из них почти настоящий бикфордов шнур.

Тем временем взрывчатка высохла. На сей раз Севка стал ее плавить. Антоха уже изнемогал от нетерпения. Даже медлительного Мишку долгие приготовления замучили.

– Может, в «Контру»? – робко предложил он, наблюдая за манипуляциями Севки.

Они сыграли, но не в «Контру», а в «Как достать студента», причем за клавиатурой сидел Антоха, а Мишка в меру экспрессивно болел, осторожно размахивая руками – в памяти еще было свежо воспоминание о том случае, когда Мишка случайно свалил с полки какой-то нужный Севке слишком хрупкий макет.

Но тут снова появился Севка и отправил Мишку в гастроном за древесным углем, Антоху – в гаражи за соляровкой, а сам взялся за напильник и алюминиевую трубку...



...Когда к вечеру бомба была готова, все трое уже и не рады были, что взялись за это дело.

– Может, завтра рванем? – жалобно попросил Севка.

Он вдруг почувствовал, что дико устал. Антоха малодушно поколебался, но потом вспомнил о пенделе и твердо сказал:

– Никаких завтра! Вот поедем – и пойдем!

Заметив неуверенность на лицах Севки и Мишки, добавил любимую присказку:

– Что думали – в сказку попали?

\* \* \*

– Хорошо, а как мы все это в школу затащим? – спросил Севка, сосредоточенно жуя бутерброд.

– Через внутренний двор, – сообщил Антоха. – Я уже все продумал.

На самом деле ничего он не продумал и сейчас соображал на ходу.

– Мы подтаскиваем все это к воротам, я иду в школу, говорю Василичу, что забыл кроссовки в раздевалке на физре. Он бухтит, но меня пускает. Я бегу типа в раздевалку, он со мной не пойдет, ему будет влом. И я несусь и открываю изнутри запасной выход. Там без ключа можно открыть, я знаю. Потом звоню тебе и, выходя из школы, забалтываю сторожа. За это время ты, Севка, вбегаешь в школу, несешь-

ся во внутренний двор, Мишка через ворота передает тебе все, что нужно. Все, что не влезет, придется нести на руках. Я выхожу, отпускаю сторожа и через пять минут присоединяюсь к вам. Все понятно?

– А может, не надо? – жалобно спросил Севка, поняв, что шуточки закончились.

– Надо, – пресек попытки увильнуть от операции Антоха. По дороге в школу Антон все время радовался, что сообщил позвать сильного Мишку. Тот тащил самую большую коробку, сопел, но упорно шел вперед, срезая углы газонов и перелезая через небольшие ограждения, которые оказывались на пути. Антон с Севкой несли все остальное и еле за ним успевали.

Когда дошли до школы, все прошло почти по плану, даже лучше, потому что сторож смотрел футбол и не собирался отвлекаться ни на что – даже на вопрос, какого лешего Антон приперся в школу на каникулах, да еще и в такую поздноту. Открыл дверь и пошел смотреть дальше. В это время можно было пару самосвалов разгрузить и в школу пронести, потому что телевизор ревел так, что услышать что-то было просто нереально.

Антон был в удивительно вздернутом состоянии. Нервы натянуты до предела, все чувства обострены. Он даже разговаривать стал отрывистыми короткими фразами.

Мишке:

– Копай!

Мишка как заведенный стал копать яму, чтоб заложить туда бомбу.

Севке:

– Время?

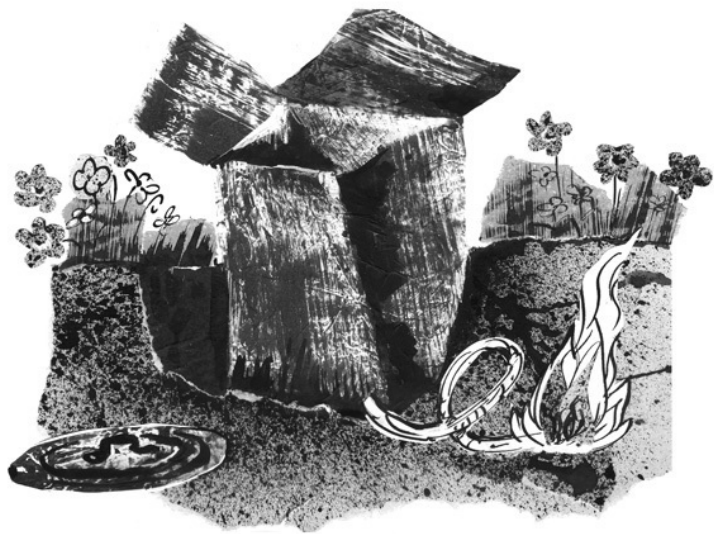
– Минут десять, чтоб все установить. Потом поджечь и прятаться.

– Хорошо.

Севка хмуро огляделся:

– Боюсь, окна повывлетают...

– А ты не бойся! – рявкнул Антон. – Ты работай.



Антон уже мысленно прошел точку невозвращения. И теперь, даже если б сильно захотел остановиться и задуматься над тем, что он делает, уже бы не смог. Словно какая-то сила поселилась в нем и руководила всеми его поступками.

Загрузили, отошли, раскатав шнур. Антон взял в руки спички.

– Сейчас я поджигаю, и мы – бегом к запасному выходу. Когда рванет, тихо сматываемся, там уже не до нас будет...

Полыхнула спичка, шнур быстро загорелся, Антон положил его на землю, секунду все заворуженно смотрели, как огонек пополз по шнуру.

– Уходим!

Трое друзей, согнувшись, как на войне, рванули ко входу в школу. Антоха пропустил друзей вперед.

Осторожно заглядывая за углы, мальчишки добрались до запасного выхода и замерли. Время зависло. Секунды стучали в ушах, но циферки на часах в телефоне перещелкивались катастрофически медленно.

Первым сдался Мишка:

– Пойдем отсюда, а?

– Нет! – отрезал Антоха. – Нужно дождаться...

И тут они услышали на входе громкий девчоночий голос.

– Там драка! Помогите! Там, на улице...

Слышно было, как Василич ругнулся, но, хлопнув дверью, вышел из школы. А по пустому коридору дробно зацокали каблучки.

– Сейчас рванет, – побледнел Севка.

– Сидеть! Я сам!

Антон вскочил и уже через секунду был в холле. Успел узнать Лёлю, успел оттащить ее от окна, выходившего на дуб, успел заметить, что огонек шнура уже возле дерева, и с криком «Ложись!» рухнул сам, увлекая девочку за собой.

А ровно через секунду все и случилось. Что-то хлопнуло. Тихо, но мощно. Как будто открыли огромную банку с солеными огурцами. И свет погас. И тишина-а-а... Она расплзлась по зданию, окутывая собой все, обволакивая. Казалось, что тишину можно потрогать, она ватой залепила уши. Антон пытался что-то сказать и не смог – издать звук не получалось, тишина лезла в рот. Все это больше всего напоминало ночной кошмар, только проснуться не получалось... До тех пор, пока Лёля не щелкнула пальцами.

Кошмар прошел, в мир вернулись хотя бы звуки. Антон перекатился на спину и пытался прийти в себя. Ему стыдно было признаться, что он струсил. Теперь он пытался вырваться из ситуации. Лёля тем временем уже успела вскочить и теперь молча стояла у окна, что-то напряженно высматривая.

– И что? – спросил Антоха.

– И все... – непонятно ответила Лёля.

– Рухнул?

У Антохи сразу отлегло от сердца. Видно, это у него от громкого звука уши заложило, наверное, рвануло, пока он

падал, вот и не сообразил, что происходит.

– Убегать надо, пока сторож не вернулся... – пробормотал Антон.

Он поднялся и глянул в окно. Громада дуба стояла ровно так же, как и раньше. Антоха не поверил и подошел поближе, стал рядом с Лёлей, уставился во дворик. Дуб стоял. Антон прижался лицом к стеклу, пытаюсь высмотреть хоть какие-то повреждения. Дуб был цел.

– Шнур, что ли, погас? – начал было Антоха, но тут же себя оборвал.

Если бы шнур погас, такого грохота не получилось бы. Он снова начал злиться на эту странную Лёлю.

– Ты чего сюда явилась? – сердито сказал Антоха.

– Думала, что успею... Но не успела...

«Что у нее за дурацкая манера разговаривать?! – обиделся Антоха. – Со мной говорит, а сама на дуб пялится!» Но сейчас надо было думать не об этом.

– Пошли! – потянул он Лёлю за собой. – Сейчас народ набежит!

Лёля глянула на него почему-то с сомнением, но позволила себя увести.

Мишка и Севка ждали его у запасного выхода. Худой долговязый Севка на фоне квадратного Мишки смотрелся как аист рядом с пингвином. «Молодцы! – на ходу подумал Антоха. – Не стали без меня смываться!»

– Чего это она тут? – спросил Севка, но Антоха отмахнул-

ся.

– Потом разберемся! – сказал он. – Сейчас надо ноги делать!

Антоха дернул дверь. Она не поддавалась.

– Заклинило, – хмуро сказал Севка.

«Значит, пытались все-таки без меня...» – подумал Антоха.

– Выбивать! – рывкнул он и отошел на пару шагов, чтобы разогнаться получше.

Но Мишка и Севка за ним не последовали.

– Не выбивается, – вздохнул Мишка. – Даже мной не выбивается...





## Глава 3. В сказку попали



Они обошли школу изнутри по периметру. Все двери заклинило намертво. Хуже того – когда Антоха в отчаянии попытался разбить окно в холле стулом, тот отскочил от стекла, как от резиновой стены. Остальные окна тоже оказались невыбиваемыми. В отчаянии Антоха и его команда выскочили во внутренний двор. Тут Лёля, которая все это время молча сопровождала их, вскинула голову и бесцветно сказала:

– Неба нет.

Все невольно посмотрели вверх.

Неба действительно не было. Не только луны и звезд – это ладно, их могло просто тучами закрыть, – вверху раскинулось что-то совершенно черное. Самое темное небо в самую безлунную ночь не бывает таким, в нем всегда есть фиолетовый оттенок, а городское небо постоянно подсвечивается

огнями снизу. Но не сейчас. Сейчас все вокруг освещалось словно само по себе. Как будто каждый предмет чуть-чуть светился, но этого свечения хватало, только чтобы разобрать общие контуры.

– Мрак... – сказал Севка.

И потом посмотрел под дуб.

– Мрачный мрак...

Кастрюля, в которой была взрывчатка, стояла целехонькая, но и следов бикфордова шнура нигде не наблюдалось. Севка немедленно полез руками.

– Ай! – заорал он. – Горячо!

– Почему? – спросил Антон.

– Не знаю... – прошептал Севка.

Вдруг сверху распахнулось окно, ведущее во внутренний двор, и раздался истошный крик:

– Кто зде-е-есь е-е-есть? Помоги-и-ите!

Ребята кинулись обратно в школу, толкаясь, взлетели по лестнице и обнаружили Машу-отличницу, всю в слезах и истерике. Маша билась в объятиях Любы Метелкиной. При других обстоятельствах это бы вызвало общий смех: Маша выглядела как воробушек в когтях большой доброй кошки. Но сейчас было не до смеха.

– А вы здесь откуда? – оторопела Лёля.

– А мы математику делали, – мрачно сообщила Люба. – У меня шестерка за четверть, а мама сказала, что если и за год будет, то она... Короче, я попросила Машку помочь. Мы

уже собрались уходить, в коридоре стояли, когда свет погас. А потом...

Любу передернуло, а Маша надрывно всхлипнула.

– Что потом? – Лёля спросила это таким тихим, вкрадчивым голосом, что Машины слезы высохли, не успев выкатиться из глаз.

– А потом, – сказала Машка шепотом, – из дворика прилетел большой белый, а потом большой черный... А потом много мелких... И они хихикали...

– А потом?

– Потом всё, – сказала Маша. – Только теперь у меня телефон не рабо-о-отает...

Все лихорадочно захлопали по карманам и вытащили телефоны. Экранчики мобилок почти синхронно засветились, и раздался общий вздох облегчения... Но рано.

– Странно, связь вроде есть, а даже гудков нет... – сказал Антон.

– А время? – воскликнула Люба.

– Что время? – удивилась Лёля.

– Я уже несколько минут пытаюсь дозвониться, и все это время на экране восемнадцать тридцать пять. Сломалось что-то?

– И у меня восемнадцать тридцать пять, – тихо сказала Лёля.

– Мрак, – повторил Севка, глядя в свой телефон.

– Да не реви ты! – прикрикнул Антоха на Машу.

– Мне надо домо-о-ой... Я бою-ю-юсь... Проводите меня до двери-и-и...

– Дверь не открывается, – вяло ответил Мишка.

– Что-о-о? – вскрикнула Маша. – Я домой хочу! – И почему-то принялась кричать на Любу: – Это все из-за тебя! Это ты во всем виновата!

Люба вздрогнула и втянула голову в плечи, и теперь уже Лёля совершенно невежливо бросила:

– Заткнись!

Маша замерла на полуноте и даже стала казаться еще меньше, чем обычно.

– Никто не виноват, – продолжила Лёля. – То есть теперь уже неважно, кто виноват. Нужно понять, что случилось.

Все принялись переглядываться. Сначала посмотрели на Лёлю. Вроде как она задала вопрос, может, она и ответит. Но Лёля, не отводя глаз, гипнотизировала Антоху. И в ее взгляде явно читалось, что разбираться в ситуации должен именно он.

У Антохи аж спина взмокла. А в голове у него была гулкая пустота. Но нужно же людей чем-то занять.

– Давайте свет починим! – нашелся он.

Все с облегчением выдохнули.

– Я знаю, где пробки, – сообщил Севка.

...Через полчаса Антоха понял, что нужно найти занятие всем. Потому что пока Севка ругался и ковырялся в проводках при неяркой подсветке телефона, остальные устроили

скулеж. Как только успокаивался один, тут же начинал ныть другой. Пару раз срывался Мишка и шел бить стекла – безуспешно, но хоть душу отводил. Маша впадала в истерику почти непрерывно, на нее уже не обращали внимания, Люба бродила по коридору как тень, периодически пытаюсь включить телефон, Лёля...

– А где Лёля? – встрепенулся Антон. – Лёля! Лёль!..

Севка уронил отвертку, и эхо разлетелось по коридору. Антон сбегал направо, потом налево, потом остановился. Попытался вспомнить, когда видел Лёлю последний раз, и не смог. Побежал к лестнице и наскочил прямо на пропажу, которая выплыла на него из темноты.

– Ты что? – спросил Антон. – Ты куда ходила? Ты нас так больше не пугай!

– Я в комнату сторожа ходила, свечи там нашла.

Тут Антоха слегка посерьезнел:

– Послушай, а ты не могла мне сказать, куда идешь, а? Ты могла хоть кому-нибудь сказать, что уходишь? И как ты шляешься по школе в темноте? А вдруг тут еще кто-то есть?

– Не кричи, – тихо сказала Лёля. – Ты тут главный, и ты должен быть спокоен. Пойдем лучше в столовую, вдруг там еда осталась.

Антон задумался. «Я – главный... Я и спокоен... Это правильно! Но почему тогда Лёля указывает мне что делать? Если я главный, то я должен указывать... Но она же сама сказала, что я главный...»

Опомнился Антон уже в столовой. Лёля расставила свечи на столе, и все дружно принялись обшаривать холодильники и шкафы. Удалось нашарить только соль, перец и пакет лаврового листа.

– Ссобойки ни у кого нет? – без особой надежды спросил Антон.

Тут Люба густо покраснела, хлопнула себя по лбу (оставив белый след от пятерни) и выбежала из столовой.

– Куда это она? – удивился Севка.

– Не знаю... – начала было Машка, но перебила сама себя: – Ой, у нее же с собой пакет был! Полный...

Мишка мечтательно облизнулся. Больше никто ничего не искал, ждали Любу. И, как оказалось, не зря. Она появилась через пять минут, на ходу извлекая из пакета буханку черного хлеба. Мишка тут же схватил зазубренный нож, отобрал хлеб и принялся его нарезать.

– Что-нибудь сладенькое есть? – Севка еще больше вытянул шею, чтобы заглянуть в пакет.

Антон и Лёля тоже попытались изучить принесенную еду и едва не стукнулись лбами.

– Там только сметана и яйца, – извиняющимся тоном сказала Люба. – Сырые. Я сейчас сварю!

Она осторожно поставила пакет на стол и взялась за самую

большую кастрюлю. Люба сунула ее под кран, открыла его... и ничего не произошло. Не полилось, не забулькало, даже не зашипело, как обычно бывает, когда отключают воду.

– Странно, – разочарованно произнесла Люба и понесла кастрюлю на место.

– А кран кто будет закрывать? – строго и вместе с тем горестно спросили из-за Любиной спины.

И тут же из крана захлестала вода.

Все разом повернулись к раковине.

На ее краю сидела Нина Константиновна, заведующая столовой, и старательно закручивала кран. Фантастичность картины заключалась еще и в том, что Нина Константиновна ростом была в полметра, не больше.

– И-и-и, – заверещала на одной ноте Маша, закрывая глаза руками.

– Ни-и-на К-к-константиновна, а чт-т-то с вами? – выдавил из себя Антон.

– А что со мной? – изумилась женщина и поправила прическу. – Грущу. Все шкафы пораскрыли, всё поразбрасывали, кран открыли да бросили...

Из глаз Нины Константиновны брызнули слезы и полились непрерывными струйками.

Пока Антон стоял и размышлял, как на это можно реагировать (честно говоря, больше всего хотелось подставить тапик под слезопад, потому что лужа образовалась приличная), сзади бесшумно подошла Лёля.

– Хозяин-батюшка, сударь домовой, меня полюби да по-  
жалуй, мое угощение прими, – произнесла она нараспев,  
протянув Нине Константиновне горбушку хлеба, которую  
она, видимо, только что стянула из-под ножа Мишки.

Слезы застоловой немедленно высохли.

– Соленая? – спросила она.

Лёля только кивнула.

– Ой, хорошо! – обрадовалась она и принялась лопать гор-  
бушку так, будто ее месяц не кормили.

– Это не Нина Константиновна... – сообразил Антоха.

Лёля кивнула.

Теперь было видно, что «оно» очень похоже на заведую-  
щую, но не совсем. Сбивали с толку точно такие же причес-  
ка, передник и голос. Но при ближайшем и более спокой-  
ном рассмотрении обнаружились большие волосатые руки и  
крупные мужские черты лица.

Все столпились вокруг стола и смотрели на непонятное  
существо. Только Мишка позорно спрятался за широкими  
Любкиными плечами.

– Это домовой? – тихо спросила Люба.

– Я столовой, – сообщило существо и облизнулось. – За  
горбушку спасибо. Есть захотите, зовите. С холодильниками  
я договорюсь, они пока без электричества поработают.

– Как? – воскликнул Севка. – Это невозможно!

– Хех, – только хмыкнул столовой.

– А свет? – спросила Лёля. – Может, вы и свет сделаете



без электричества?

– Зачем? – удивился столовой. – Свет мне не нужен...

И растворился в воздухе.

\* \* \*

После перекуса ситуация показалась не такой уж безнадежной. Только Маша продолжала дуться, но при ее впалых щечках это не слишком получалось. Люба сидела чуть позади нее и, казалось, вот-вот начнет гладить Машины блестящие черные волосы и приговаривать: «Все будет хорошо, все как-нибудь образуется...»



Севка был полностью нейтрализован холодильником, который работал без электричества – причем по всем холодильниковым правилам периодически взрыкивал, гудел пару минут, а затем успокаивался. Севка сначала долго в холодильнике ковырялся, потом тихо сел писать формулы, но зато потом превратился в ураган. Он метался по столовой, размахивая сорванными с носа очками и тряся головой.

– Это противоречит! Он невозможен! И если мы отменим второй закон, то придется отменять и первый! И третий! А это конец! Вы понимаете? Это катастрофа!

– Почему? – спросил Антон.

Севка подлетел к нему и прошипел прямо в лицо:

– Потому что это фундаментальный закон, понимаешь? Рухнет фундамент – рухнет все! Вечный двигатель невозможен – и точка. А если он здесь возможен, то нам всем крышка, потому что это не наш мир, не наша Вселенная и все наши законы тут не работают!

– Нам всем кры-ы-ышка, – опять завывала Маша, уловив в Севкином монологе главное.

Лёля только страдальчески заломила руки.

– Хорошо, Сев, ты только не горячись, – сказал Антон, вспомнив, что он тут главный. – Ну а если наши законы тут не работают, то, наверное, работают какие-то другие... Ты можешь узнать какие?

– Ха! Ха! Ха! – сказал Сева. – Чтоб это понять, нужно быть Эйнштейном. «Понять»! Да я даже представить себе

такое не могу, а ты говоришь «понять»!

Севка выговорился и со всего маху шлепнулся на ближайший стул. Стул жалобно всхлипнул, отъехал на полметра, а потом все-таки не устоял на расшатанных ножках и развалился. Севка так и не понял, каким образом он после своей пламенной тирады очутился на полу, и вид у него был такой потешный, что все не удержались и заулыбались.

– Ну если уж Севка не может понять... – протянула Люба.

– А вы думали, в сказку попали? – хихикнул Мишка.

И тут взгляд у Севки прояснился, и он закричал, не вставая с пола:

– Точно! Вот! В сказку попали! Тогда все сходится! Тут любой вечный двигатель возможен, хоть ковер-самолет, хоть сапоги-скороходы. И домовые, кстати, тоже здесь водятся.

Севка нацепил на нос чудом уцелевшие очки, сложил руки на груди и стал очень похож разом на Наполеона-переростка и умного кролика.

– В сказку попали... Хо-ро-шо... – Антоха просто не знал, что еще сказать, и тупо повторил последнюю фразу, надеясь, что в голове прояснится. Не прояснялось.

– А если мы в сказку как-то попали, значит, можно из нее как-то выпасть? – спросила Люба.

– Тряхануть ее хорошенько! – предложил Мишка и расправил плечи.

– Стоп! – сказала Лёля. – Уже тряханули. Достаточно.

– Точно! – сообразил Антон. – Со взрыва все началось!

Когда должно было рвануть, что-то такое случилось...

– Энергия взрыва куда-то делась, – перебил его Севка.

– Опять ты со своими заумностями, Сева...

– Это не заумности. Это в порядке бреда... А что, если энергия взрыва трансформировалась во что-то такое... И у нас пространство закуклилось?

– И что?

– А то! Чтоб отсюда выбраться, нам нужно как-то проверить обратный процесс, тогда энергия раскукливания пространства перейдет в энергию взрыва... Ну что вы все на меня так смотрите? Я же сказал – в порядке бреда. У вас есть идеи получше?

– Мне сказка больше нравится, – сказала Лёля, – проще.

– Мне тоже, – согласился Антон и торжественно произнес: – Итак, мы попали в сказку.

Мишка насмешливо хмыкнул.

– Да уж, обхохочешься, – съязвила Люба.

Но Антоха постарался не обращать ни на кого внимания и гнул свое.

– Да, мы попали в сказку, и теперь нам надо отсюда выбраться. Мы знаем, что попали сюда в момент попытки взрыва дуба, правильно?

Антон говорил вроде как для всех, но за подтверждением обратился к Лёле. Она кивнула.

– Хорошо. Значит, наша сказка как-то связана с дубом, правильно? Какие мы знаем сказки про дуб?

– «У Лукоморья дуб зеленый», – выпалила Люба.

– Что еще?

– Еще смерть Кощея на дубе прячется, – подал голос Севка. – Я недавно брату сказки читал...

Больше вариантов ни у кого не было.

– Хорошо, – вздохнул Антон, – пошли смотреть на дуб.

Когда они высыпали во внутренний дворик, там ничего не изменилось. Все так же терялась в горячем шарике дыма кастрюля, и все так же не было неба.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.